

Да, кстати, под берлогой той
Богатства разные текут рекой.
Всё это пуделю могло бы пригодиться,
И детям, внукам хватит прокормиться.

И пудель обложил берлогу эту,
Чтобы медведь не взвидел дня и света,
С востока, запада, и севера, и юга
Поставил псарни с верною обслугой.

А чтобы соблюсти приличный вид,
Во всех грехах медведя он винит:
Как он посмел, не спрашивая нас,
Берлогу строить возле наших баз?

Как видно, пуделю и невдомёк,
Что лезет он в чужой лесок.
А конура его за океаном,
И лай его истошный — для обмана.

В своей берлоге мирно спит медведь.
Не тронь его! Он может и взреветь.

2015

Эх, дороги...

Писать о человеке, с которым дружишь, и легко, и в то же время трудно. Легко потому, что за годы дружбы многое о нём узнал, видел его в разных ситуациях, — короче, знаешь о нём всё или почти всё. А трудно потому, что есть опасность погрешить против объективности оценки. Но этот рассказ составлен из кусочков записей, которые я делала в течение нескольких лет после душевных бесед, когда нет места ни рисовке, ни тем более фантазии.

Я хочу рассказать о моей подруге Тоне Ефремовой — Антонине Андриановне, участнице Великой Отечественной войны, руководителе благовещенского городского клуба «Фронтвые подруги». Второго июня 1917 года — её день рождения. Раньше её с гордостью называли ровесницей Октября. Сейчас... Впрочем, и событие, и год из истории не выкинешь. Это год её рождения. И её биография — это биография нашей многострадальной Родины.

...В небольшом уральском городе Златоусте у матери было шестеро детей. Пятеро умерли рано, повезло одной Тосе. Впрочем, повезло ли? Временами, в голодное и трудное детство, приходила в голову мысль, что лучше бы умереть, как те, а не мыкать горе. Отец — машинист паровоза — умер, когда ему было тридцать четыре года. Разгорячённый у паровозной топки, где-то на станции напился холодной воды. Полгода болел, так на ноги и не встал. А время было тяжкое. В стране, разрушенной Гражданской войной, всё было зыбко и неопре-

делённо. А когда в семье нет кормильца, найдут в дом дорогу и холод, и голод.

Самое поразительное воспоминание детства — это крик мальчишки, прибежавшего на школьный двор: «Тонька, у тебя мать с ума сошла!» — и эта дорога к дому, когда бежала, ещё не веря, но детским сердечком чувствуя, произошло что-то страшное...

На десятилетнюю девчонку свалились недетские заботы. Зимой в избе холод.

— Возьму пилу, выйду во двор, чиркаю-ширкаю по сырому бревну, кое-как отпилю чурку-две. Потом тюкаю топором. Руки коченеют, силёнок нет. Потом, на войне, когда пришлось валить деревья вот так же, зимой, не раз вспоминала первые «трудовые навыки». Надеяться было не на кого, — говорит Тоня. — Затоплю печь, на душе вроде веселее. Да ненадолго. Напоминает о себе голодный желудок. А в доме ни хлеба, ни картошки. Пойду к соседям, стою молча у порога. А они уж знают: голодная. Дадут кусок хлеба. Иду домой. По дороге отковырну крошку, съем, но тут же отдёргиваю руку: надо ведь маме принести.

Но на людскую помощь рассчитывать долго не приходится. Десятый класс она заканчивала уже в вечерней школе: пошла зарабатывать свой кусок хлеба. Мать «отмучилась» в сорок втором. Полыхала война, в каждом доме было своё горе, и никто даже не увидел, что произошло в соседнем дворе, зачем мать оказалась на улице. Тоня была на работе. А когда пришла, нашла во дворе уже замёрзшую мать. И надо ли удивляться тому, что через несколько дней после похорон Тоня оказалась в военкомате.

...И вот он, эшелон военного времени. Многие из старшего поколения начинали свою военную биографию с таких эшелонов. А тут — девчонки. Стриженные и с косами, одетые кто в телогрейку, кто в старое, зашарпанное пальто. Кто в пимах, кто в отцовских сапогах. Пополнение на фронт. А вот и первая встреча с войной. По дороге на Бологое эшелон обстреляли два немецких самолёта. Но то ли спешили фашистские асы на другой, более важный объект, то ли боеприпасы кончились, но всё для девчат обошлось благополучно. Если не считать того, что «романтическое» настроение у многих рассеялось.

...Калининский фронт. Тоню назначают начальником поста ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь).

Задача постов ВНОС — наблюдать за небом. Засечь как можно раньше воздушного противника. Сообщения этих постов немедленно передают телефонисты. Сообщение короткое, в нём обычно указан квадрат, в котором обнаружены самолёты противника, направление полёта, количество и тип самолётов. Я сама была на войне радистом и помню, как, преодолевая помехи, гул и треск в наушниках, мы ловили эти короткие, тревожные радиogramмы с грифом «Воздух», как вне всякой очереди передавали их дальше, в штаб. По этим сигналам взлетали в небо навстречу врагу наши истребители, наводились на цель лучи прожекторов и зенитных орудий.

Конечно, хорошо, когда самолёт противника виден. Трудно ночью. А именно под покровом ночи чаще всего летят самолёты на бомбёжку.

— Ночью старалась стоять на посту сама, — говорит Тоня. — Боялась передоверить кому-либо. А слух был хороший. С закрытыми глазами, по гулу узнавала, какой самолёт летит. Однажды был такой случай. Летит одиночный

самолёт. Я услышала, передала: свой. А наши зенитчики его сбили. Командир роты ко мне с выговором: «Как же ты немца-то не распознала?» А потом выяснилось, что я была права. Самолёт-то был наш, советский. Только летел на нём немец. И вместо выговора мне благодарность объявили.

В задачу поста входит и поддержание связи. Связь — нервы армии. Нет связи — даже самая маленькая операция может сорваться. А когда идёт бой, когда от взрывов снарядов и бомб вздымается земля, связь то и дело обрывается. И тут никто не спрашивает, можешь ты или не можешь, страшно тебе или нет. И девчонка — такой же солдат. И приказ короткий: «Восстановить связь!»

— Когда бы ни случился обрыв — иду сама, — вспоминает Тоня. — Думаю: я одна на свете, плакать обо мне некому. Иногда беру в помощь кого-то из девчат, но стараюсь ей поручить менее опасное дело.

...Дороги войны. Они и для мужчины-солдата не легки. А каково было девчонкам! Память, как по вехам, идёт по этим опалённым огнём, сожжённым, искалеченным городам и сёлам. Что ни название, то битвы, потери, слёзы, кровь и пот войны.

...Деревенька неподалёку от Великих Лук. Взвод, в котором почти все — девчата, валит в лесу деревья. Пилы, топоры — тупые, руки — в ссадинах и занозах. А командир торопит: брёвна нужны для блиндажей. Только успеют обрубить сучья, танк прихватывает ствол и тащит на передовую... Целый световой день в снегу, мокрые. За ночь одежда не успевает высохнуть, а с утра — то же самое.

...В районе дороги Рудня — Лиозно рота стояла в резерве. Вызвал Тоню командир:

— Вот вам задание: надо восстановить постоянную линию связи.

— Есть! — ответила коротко.

Командир добавил:

— Берите лошадь. Вместе с вами пойдут десять человек.

— Людей буду подбирать сама, — смело глядя на командира, сказала Тоня.

— Не возражаю, — согласился тот.

С телеги сняли передок, запрягли лошадь. На ней должны возить столбы. А кто приготовил на войне эти самые столбы? Никто! Значит, самим валить лес. Идут по дороге, а дорога круглые сутки под прицелом двух немецких самолётов. Они, словно на посту, поочерёдно меняясь, патрулируют дорогу.

— Но одного таки сбили наши «бородачи», — восхищённо вспоминает Тоня. «Бородачами» они называли боевой расчёт крупнокалиберного зенитного орудия, в котором были старые, опытные артиллеристы. Они-то и подкараулили «Хейнкеля», когда тот на миг выскочил из облаков и выказал себя. Сбили с первого залпа.

— До этого выстрела мы и не предполагали, что тут был замаскирован расчёт, — говорит Тоня.

Так же внезапно нос к носу столкнулись в лесу с группой военных, наших. Среди них — генерал. Тоня подошла, доложила: «Товарищ генерал, идём на выполнение боевого задания». Он расспросил, что за задание. Окинул всех внимательным взглядом, поинтересовался: «А вы откуда родом, девчата?» Когда узнал, что с Урала, улыбнулся: «Так мы с вами земляки!» Оказывается, это

был Уральский танковый корпус. Генерал шепнул что-то лейтенанту, тот крикнул нескольких танкистов. Обращаясь к Тоне, сказал: «Вот вам помощники валить деревья».

Конечно, девчата обрадовались. Ребята крепкие, сильные. Быстро валили деревья, ловко обрубали сучки. Вот и столб готов, и другой, и третий... Девчата помогали выкапывать ямы, зарывать столбы. А Маша Балужева, тоже уралка, просто поразила всех: как только столб поставят, она без «когтей», как кошка, взбирается наверх, устанавливает стаканы, зацепляет провода.

В этот раз девчатам повезло: помогли танкисты. А обычно приходилось рассчитывать только на себя, выполнять эту тяжёлую, далеко не женскую работу.

Трудно было и на марше. Мужской шаг не сравнить с женским. Да и специфика женского организма порой даёт о себе знать в самых неожиданных ситуациях.

...Батальон на марше. Шли к Невелю. Зима. Мороз. На ходу согреваешься, а как остановишься — кирза примерзает к ногам.

— Идём день, идём ночь... Конца пути не видно, а сил уже нет, — вспоминает Тоня. — Одна из наших, Аня, упала: ноги стёрла в кровь. «Пристрелю! — заорал на неё подбежавший командир. «Стреляйте, — глядя ему в глаза, спокойно сказала она. — Это лучше, чем тут замерзать. Идти я не могу». Эта спокойная решимость обескуражила командира. Он нашёл где-то в телеге место, куда посадили Аню. А мы только на третьи сутки остановились на ночёвку.

Памятны бои за Витебск. Бои тяжёлые. Хотели взять город напрямую, в лоб — а немцы наши танки бьют и бьют. Столько там ребят полегло! Позже, уже обходным манёвром, взяли Витебск. Что поразило, когда вошли в город? Какая у немцев там была оборона, какие блиндажи! В блиндажах — ковры, перины. Видно, у наших жителей награбленные. Хорошо и надолго они там устраивались.

В Смоленске запомнился собор: старинный, красивый. Он был хорошим ориентиром и для авиации, и для артиллерии. Но выстоял. Город только освободили, и все — гражданские и военные — пошли в собор. Даже раненые из госпиталей, кто мог ходить, пошли туда. Слушали проповедь во славу русского народа. Многие плакали. Клали на подносы деньги, всё, что могли найти у себя. Словно каждый хотел чем-то подтвердить своё участие в этом торжестве, волнующем акте. Это никогда не забудется.

День Победы Антонина Андриановна Ефремова и её 98-й отдельный батальон ВНОС встретили в Польше. Как и все солдаты, стреляли в воздух, смеялись и плакали. Плакали о тех, кто не дошёл до этого светлого дня.

Война — тяжёлый и грязный труд. После такого труда хочется очиститься, стряхнуть с себя усталость. И тогда приходит в землянки и блиндажи песня. Тоня с детства подружилась с гитарой, выступала в самодеятельности. Гитара была её верной спутницей и на дорогах войны. Там, в короткие часы отдыха, девчата пели про Родину, про любовь, про дом, который остался где-то далеко. А солдаты, только вышедшие из боя, слушали. Ведь не зря сказано: «После боя сердце просит музыки вдвойне». И сейчас в гостеприимной квартире Ефремовых песня — постоянный член семьи. На стене висят три гитары. Одна из них

вся исписана автографами. Это девчата оставили свою память — когда Тоня ездила на встречу с однополчанками на родной Урал. Она — как реликвия. Тоня играет на других гитарах. Играет и поёт в основном песни военных лет и о войне.

Муж, Николай Спиридонович, бывший военный разведчик, кавалер двух орденов Славы, охотно и умело подпевает. Вырастили они двух дочерей. Поднимаются и расправляют крылья два внука и внучка. Есть кому передать эстафету.

Антонина Андриановна Ефремова была первым руководителем благовещенского клуба «Фронтвые подруги». Рабочего места у клуба не было. И шли к ней домой со своими нуждами и заботами женщины. И никого она не оставляла без внимания. Порой одна, без помощников, рассылала десятки писем, извещая женщин-фронтовичек о предстоящей встрече, не забывая поздравить с памятной датой.

Она участник хора ветеранов. А ещё её многолетняя привязанность — ребята из СПТУ № 23. И с душевной беседой, и с гитарой она идёт туда, чтобы мудрым словом, доброй песней тронуть ребячьи сердца, помочь им найти себя, определить жизненный путь. Приходят ребята и к ней домой. И она, как добрая бабушка, непременно угостит их чаем и своей стряпнёй. А какая она рукодельница! Надо видеть её работы!

Она была депутатом Благовещенского городского Совета. Много лет активно участвовала в ветеранской организации, являлась членом областного совета ветеранов.

Сейчас «модно» всех и вся судить, в том числе и тех, кто выстоял и победил в Великой Отечественной войне. По злобе или недомыслию пытаются бросить камень в сторону женщин-фронтовичек. Я бы посоветовала таким критикам: пусть хоть мысленно пройдут по тем тяжёлым дорогам, которыми прошли они.

1992